

VI. 53. Аминь, аминь глаголю вамъ, аще не съѣсте плоти Сына Человѣческаго и (не) пиете Его крове, не имате жизни въ себѣ ¹⁾.

Поистинѣ долготерпѣливъ и многомилостивъ Христосъ, какъ это можно видѣть уже и изъ самого предлагаемаго повѣствованія. Отнюдь не вдаваясь въ споръ съ малоуміемъ невѣровавшихъ, снова предлагаетъ имъ животворное познаніе таинства и, выходясь какъ Богъ надъ гордынею оскорблявшихъ Его, говоритъ то, чрезъ что они могутъ достигнуть вѣчной жизни. Но не учитъ еще о томъ, какимъ образомъ Онъ дастъ имъ плоть (Свою) ѣсть, ибо вѣдалъ, что они находятся во тьмѣ и отнюдь не могутъ понимать неизреченное (таинство). Но благополезно указать тѣ благія послѣдствія, какія явятся для нихъ изъ этого яденія, можетъ быть съ тою цѣлью, чтобы, указаніемъ на безпредѣльное блаженство сильнѣе побуждая ихъ къ желанію жить, (тѣмъ самымъ) научить ихъ вѣрить, ибо способность учиться справедливо принадлежитъ именно тѣмъ, кои уже увѣровали. О семъ и пророкъ Исаія говоритъ такъ: „если не увѣруете, (то и совсѣмъ) не уразумѣете“ (Иса. 7, 9). Итакъ, напередъ вкоренивъ въ себѣ вѣру, потомъ уже надлежало приступать къ разумѣнію того, чего они не знали, и изслѣдованіе не должно являться раньше вѣры.

По этой, думаю, причинѣ Господь, справедливо опустивъ говорить имъ о томъ, какимъ образомъ подастъ плоть Свою ѣсть, призываетъ къ принятію вѣры прежде изслѣдованія. Вотъ почему уже увѣровавшимъ, разломивъ хлѣбъ, Онъ далъ, говоря; „при-

¹⁾ Мст. ѣсте, Гал. ясте. И пиете Мар. Загр. и не Гал. ни Ал. Его крове не имате жизни въ себѣ Ал. соотв. подлив.

мите, ядите, это есть тѣло Мое“. Подобно же, и чашу обнеси по всѣмъ, говорить: „пейте изъ нея всѣ, ибо это есть кровь Моя Завѣта ¹⁾, за многихъ изливаемая въ оставленіе грѣховъ“ (Матѣ. 26, 26—28).

Видишь отсюда, что не разумѣющимъ еще и отказывающимся вѣрить безъ изслѣдованія, не изъясняетъ образа таинства, а уже увѣровавшимъ со всею ясностію оказывается раскрывающимъ его. Пусть же поэтому выслушиваютъ еще не принявшіе по неразумію вѣру во Христа: „если не ядите плоти Сына Человѣческаго и (не) пиете Его крови, не имѣете жизни вѣчной въ себѣ“. Совершенно непричастными и чуждыми жизни святой и блаженной остаются тѣ, кои чрезъ таинственное благословеніе (евхаристію) не приняли Іисуса. И это потому, что Онъ есть жизнь по природѣ, поскольку родился отъ Живаго Отца. Но точно также животворно и святое Его Тѣло, неизреченнымъ образомъ соединенное съ животворящимъ все Словомъ. Посему и считается Его (тѣломъ) и какъ Одно Оно (Слово) мыслится вмѣстѣ съ нимъ (тѣломъ). Нераздѣльный послѣ вочеловѣченія, кромѣ только того, что (при этомъ) признается Словомъ пришедшимъ отъ Бога Отца и храмомъ отъ Дѣвы, слѣдовательно не тождественнымъ по природѣ, ибо тѣло не единосущно Слову (сущему) отъ Бога,—едино же—по неизреченному соединенію и соитію. И если животворна была плоть Спасителя, какъ соединенная съ Жизнью (сущей таковою) по природѣ, то когда вкушаемъ ее, тогда имѣемъ жизнь въ себѣ самихъ, соединяясь и мы съ нимъ, какъ и она (соединена) съ вселившимся въ нее Словомъ.

¹⁾ Такъ Син. Ват. и нѣк. по приб. новаго Ал. и больш. Вульг. Копт. Сир. (и Афр. и Син.) Ээ. Арм. Ирив. Кипр. Оряг. Слав.

Вотъ почему и при воскресеніи мертвыхъ Спаситель оказывается дѣйствующимъ не словомъ только и не одними божественными велѣніями, но присоеди- нялъ къ этому какъ сотрудника нѣкоего и Свою свя- тую плоть, дабы показать ее могущею животворить и какъ уже бывшую едино съ Нимъ, ибо это было дѣй- ствительно Его собственное, а не другаго кого, тѣло. Такъ, когда Онъ воскрешалъ дочь начальника сина- гоги, говоря: „дитя, встань!“, Онъ взялъ ее за руку, какъ написано (Лук. 8, 54). Животворя какъ Богъ всемогущимъ велѣніемъ, животворя также и чрезъ прикосновеніе святой плоти, Онъ въ томъ и другомъ отношеніи являетъ единую и родственную дѣйстви- тельность (силу). Но и когда входилъ въ городъ, назы- ваемый Наинъ, и „выносили умершаго единственнаго сына у матери его“, то опять „коснулся одра, говоря: юноша! тебѣ говорю, встань“ (Лук. 7, 12. 14). Не только словомъ совершаетъ оживленіе мертвыхъ, но и, чтобы показать животворнымъ Свое тѣло, какъ уже говорили мы, касается умершихъ, также и чрезъ него (тѣло) влагая жизнь уже подвергшимся тлѣнію. И если чрезъ одно только прикосновеніе святой плоти оживотворяется подвергшееся тлѣнію, то не въ тѣмъ ли большемъ изобиліи пріобрѣтемъ мы животворное благословеніе, когда станемъ и вкушать ее? Вѣдь она преобразитъ безъ сомнѣнія въ свое качество, то- есть въ безсмертіе, тѣхъ, кои дѣлаются причастни- ками ея.

И не изумись при семъ и не скажи въ себѣ са- момъ по іудейски: „какъ?“ Напротивъ, подумай о томъ, что вода по природѣ холодна, но когда, влитая въ котель, приблизится къ огню, тогда какъ бы забы- ваетъ свою природу и переходитъ въ свойство (теп- лоту) сильнѣйшаго (огня). Такимъ же слѣдовательно

образомъ и мы, хотя и тлѣнны по природѣ плоти, но, присоединеніемъ къ Жизни оставивъ свою немощь, преобразуемся въ ея свойство, тоестъ въ жизнь. Да, дѣйствительно надлежало не только душѣ возсозидаться чрезъ Святаго Духа въ обновленіе жизни (Римл. 6, 4; 7, 6), но и грубому сему и земному тѣлу посредствомъ такового же, сродственного ему, приобщенія (къ тѣлу Христову) освящаться и призываться къ безсмертію (1 Кор. 15, 53—54).

Но пусть не думаетъ тупой къ пониманію, что нами изобрѣтенъ какой либо видъ новѣйшихъ таинствъ. Въ древнѣйшихъ писаніяхъ, тоестъ Моисеевыхъ, онъ увидитъ его (этотъ видъ таинствъ) уже предначертываемымъ и имѣющимъ силу истины; потому что и въ простыхъ образахъ онъ все таки совершался. Въ самомъ дѣлѣ, что, скажи мнѣ, укротило всегубителя (смерть)? Что способствовало и предкамъ ихъ не погибнуть вмѣстѣ съ Египтянами, когда все побѣждающая смерть вооружалась противъ первородныхъ? Развѣ не для всѣхъ должно быть очевиднымъ, что, такъ какъ повинуюсь божественному закону, они принесли въ жертву агнца и, вкусивъ его мяса, кровью помазали косяки (дверей), то смерть вынуждалась (тѣмъ самымъ) миновать ихъ какъ освященныхъ? Этотъ всегубитель, тоестъ смерть плоти, вооружился противъ всей человѣческой природы по причинѣ преступленія (совершеннаго нами въ лицѣ) первозданнаго Адама, когда мы впервые услышали: „земля ты и въ землю отойдешь“ (Быт. 3, 19). Но поелику Христосъ имѣлъ низвергнуть столь ужаснаго тиранна, явившись какъ жизнь среди насъ посредствомъ Святой Своей плоти, то для древнихъ и была предобразована (предуказано) эта тайна, и они вкушали мясо агнца и, освящаемые кровью его, спасались, такъ какъ назначенный (Ангель) для истреб-

ленія (первенцевъ египетскихъ), по волѣ Бога, миновалъ ихъ, какъ такихъ, кои были причастниками агнца.

Въ виду сего зачѣмъ же ты, Іудей, уже призываемый къ истинѣ посредствомъ прообразовъ, раздражаешься, когда Христось говоритъ: „если не ядите плоти Сына Человѣческаго и (не) пьете Его крови, (то) не имѣете жизни въ себѣ“? Между тѣмъ какъ наоборотъ, съ тѣмъ большимъ бы дерзновеніемъ тебѣ надлежало идти къ воспріятію тайнъ, какъ напередъ уже подготовленному къ этому изъ Моисеевыхъ книгъ и руководимому къ несумнительной вѣрѣ посредствомъ древнѣйшихъ образовъ.

VI. 54. Ядыи Мою плоть и пїяи Мою кровь имать жизнь вѣчную ¹⁾, и *Азъ воскрешу его въ послѣдній день.*

Также и здѣсь особенно подобаетъ подивиться святому Евангелисту за то, что онъ ясно воскликнулъ: „и Слово плотію стало“ (1, 14) ибо онъ не обвиняясь сказалъ не то, что *Оно стало (явилось) во плоти*, но именно то, что *стало плотію*, дабы показать единеніе (съ плотью). И мы отнюдь не утверждаемъ ни того, чтобы Богъ—Слово (сущее) отъ Отца превратилось въ природу плоти, ни того, чтобы плоть перешла въ Слово, ибо то и другая остается тѣмъ, что есть по природѣ, и одинъ изъ обоихъ Христось. Но неизреченно и сверхъ разумнїя человѣческаго Слово соединившись съ Своею плотью и всю ее какъ бы перенесши въ Себя по силѣ, могущей животворить нуждающееся въ жизни, изъ нашей природы изгнало тлѣніе и удалило смерть, изначала получившую силу (надъ нами) по причинѣ грѣха.

¹⁾ *Жизнь вѣчную* св. Ал. вм. *животъ* или *живота*.

И такъ ядуцїей святуу плоть Христа, жизнь вѣчную имѣеть, ибо плоть (Христова) имѣеть въ себѣ Слово, которое есть жизнь по природѣ. Посему и говоритъ, что *Я воскресу его въ послѣдній день*. Но вмѣсто того, чтобы сказать, что его, то есть ядущаго, Мое воскреситъ тѣло, употребилъ: „Я“, какъ не другой отличный отъ Своего тѣла,—и не другой безъ сомнѣнія по природѣ, ибо послѣ единенія отнюдь не допускаетъ раздѣленія на двоицу (двухъ) сыновъ. Такимъ образомъ Я, говоритъ, явившійся въ немъ, очевидно посредствомъ Моей плоти, *воскресу ядущаго въ послѣдній день*.

Въ самомъ дѣлѣ безъ всякаго сомнѣнія не возможно было, чтобы Тотъ, Кто есть жизнь по природѣ не побѣдилъ тлѣніе и не преодолѣлъ смерти. Посему, хотя явившаяся чрезъ преступленіе смерть и вынуждаетъ человѣческое тѣло къ тлѣнію, но поелику въ насъ является Христосъ посредствомъ Своей плоти, то безъ сомнѣнія мы воскреснемъ. Вѣдь невѣроятно, даже болѣе—невозможно, чтобы Жизнь не животворила тѣхъ, въ комъ она будетъ. Подобно тому, кто взявъ искру, насыплетъ на нее много мякины, чтобы сохранять сѣмя (продолженіе) огня, такъ и Господь нашъ Иисусъ Христосъ чрезъ Свою плоть скрываетъ въ насъ жизнь и влагаетъ безсмертіе какъ бы нѣкое сѣмя, всецѣло уничтожающее въ насъ тлѣніе.

VI. 55. Плоть бо Моя истинное есть брашно и кровь Моя истинное есть питіе ¹⁾.

Противопоставляетъ опять подаянію манны таинственное благословеніе (хлѣбъ) и струямъ изъ каме-

¹⁾ *Истинное* αληθινόν согл. однимъ греч. и Зогр. Рейм. —тело мое истинно есть брашно и кровь Моя *ресное питіе*) и Св. Ал. вм. др. греч. и слав. истинно αληθινόν. *Питіе* Рейм. и Ал. вм. др. *пиво*.

нистыхъ ущелій вкушеніе (питіе изъ) чаши. О чемъ уже ранѣе сказалъ другими словами, это же опять и здѣсь говоритъ, разнообразно излагая одно и то же ученіе. Убѣждаетъ именно въ томъ, что имъ не слѣдуетъ удивляться маннѣ, а напротивъ — принимать Его, какъ хлѣбъ съ неба и подателя вѣчной жизни: „*ибо отцы ваши, говоритъ, ѣли манну въ пустынь и умерли, сей же есть хлѣбъ, съ неба сходящій, дабы кто отъ него ѣстъ, и не умеръ*“ (6, 49—50). Пища изъ манны, говоритъ, на весьма малое время удовлетворивъ потребность тѣла и отворотивъ вредъ голода, снова становилась безсильною, какъ не сообщавшая вѣвшимъ вѣчной жизни. *Слѣдовательно то не была пища истинная* и хлѣбъ съ неба тоестъ. Святое же тѣло Христово, питая къ безсмертію и жизни вѣчной, есть *пища дѣйствительно истинная*. Но тѣ пили и воду изъ скалы,—и что же отсюда (получали), говорить, и какая была польза пившимъ? Вѣдь они скончались. Слѣдовательно и то было питіе не истинное, *истинное же подлинно питіе есть честная кровь Христа, всецѣло до основанія искореняющая тлѣніе и отталкивающая вселившуюся въ человѣческой плоти смерть, ибо это есть кровь не просто одного изъ обыкновенныхъ смертныхъ, но Самой Жизни по природѣ*. Посему мы и тѣломъ и членами Христа называемся, какъ принимающіе въ себя чрезъ благословеніе (евхаристію) Самаго Сына.

VI. 56. *Ядыи Мою плоть и пїиы Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ.*

Разнообразно тайноводствуетъ насъ чрезъ это. Такъ какъ ученіе это мало доступно для людей еще не наученныхъ, то, требуя разумѣнія о Себѣ (Евр. 11, 3) отъ вѣры, а не изслѣдованія, и всесторонне пред-

ставляя дѣло, разнообразно облегчаетъ и всячески уясняетъ намъ пользу раскрываемаго ученія, приче́мъ въ качествѣ какъ бы основанія нѣко́го и утвержде́нія для вѣры полагаетъ сильнѣйшее къ Нему влече́ніе (ср. Римл. 4, 18). „*Яду́щій*, говоритъ, *Мою плоть и пи́ющій Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Я въ немъ*“. Подобно тому, какъ если кто соединитъ одинъ воскъ съ другимъ, то одинъ воскъ онъ конечно увидитъ оказавшимся въ другомъ: точно такимъ же, полагаю, образомъ и прие́млющій *плоть* Спасителя нашего Христа и *пи́ющій* Его честную *кровь*, какъ Самъ Онъ говоритъ, едино съ Нимъ становится, какъ бы сорастворяясь и соединяясь съ Нимъ чрезъ это воспри́ятіе (крови и плоти Христа), такъ что онъ во Христѣ обрѣтается и обратно—Христосъ также *въ немъ*. Почти такимъ же образомъ научалъ насъ Христосъ и въ евангеліи по Матѳею, говоря: „подобно (есть) царство небесное закваскѣ ¹⁾, которую взявъ, женщина скрыла (вложила) въ три мѣры (саты) муки, доколѣ сквасилось ²⁾ все“ (Матѳ. 13, 33). Что надо разумѣть здѣсь подъ женщиною, подъ троицею мѣръ, называемыхъ сатами, и вообще подъ сатою, о семъ должно быть сказано въ своемъ мѣстѣ ³⁾. Въ настоящемъ же случаѣ скажемъ объ одной только закваскѣ. Какъ „малая закваска“, по словамъ Павла, „все тѣсто квашиваетъ“ (1 Кор. 5, 6; Гал. 5, 9), точно также и *весьма малая евологія* ⁴⁾ все наше тѣло (подобно тѣсту) замѣшивае́тъ въ себя и наполняетъ своею силою, такъ что и Христосъ пребываетъ въ насъ и мы также въ

1) Бродилу, дрожжамъ.

2) Взшло, перебродило, вскисло.

3) Отсюда видимъ, что толкованіе евангелій св. Кирилломъ было начато съ четвертаго.

4) Названіе евхаристійнаго хлѣба. Эти и дальнѣйшія слова важны въ литургико-археологическомъ отношеніи.

Немь, ибо со всею справедливостью можно сказать, что и закваска находится во всемъ тѣствѣ и тѣсто подобнымъ же образомъ оказывается во всей закваскѣ. Здѣсь имѣешь краткое объясненіе изреченія.

Но если мы любимъ вѣчную жизнь, если желаемъ имѣть въ себѣ Подателя безсмертія, то да не будемъ, подобно нѣкоторымъ изъ нерадивыхъ (христіанъ), отказываться отъ благословенія (причастія, евхаристіи), дабы искусный въ коварствѣ діаволь не разставилъ намъ сѣти и силковъ въ вредномъ и ложномъ страхѣ (предъ таинствомъ).

Но вѣдь написано же, говоришь ты, „ядущій отъ хлѣба и пьющій изъ чаши недостойно, судь себѣ ѣсть и пьеть“ (1 Кор. 11, 27—29). А между тѣмъ я, испытавъ себя, вижу недостойнымъ.

Однакожь когда же ты будешь достоинъ, — и отъ насъ долженъ выслушать говорящій это, — когда представишь себя Христу? Вѣдь если ты всегда долженъ ужасаться своихъ грѣхопаденій, а между тѣмъ не можешь перестать совершать грѣхопаденія, ибо „кто уразумѣетъ грѣхопаденія?“ (Псал. 18, 13), по словамъ святаго Псалмопѣвца, то долженъ будешь оказаться совсѣмъ непричастнымъ спасительной святыни. Посему благочестиво помышляй болѣе о томъ, чтобы проводить согласную съ (евангельскимъ) закономъ жизнь и такимъ образомъ приобщиться благословенію, увѣровавъ въ то, что оно изгоняетъ не только смерть, но и наши болѣзни. И это потому, что Христось, пребывая въ насъ, укрощаетъ свирѣплѣющій въ членахъ нашихъ законъ плоти (Римл. 7, 24—25) и животворно возжигаетъ благоговѣніе къ Богу, а страсти умерщвляетъ, не вмѣняя намъ грѣхопаденій нашихъ, но напротивъ — помогая какъ больнымъ. Какъ Пастырь Добрый и душу Свою положившій за овецъ (Іоан. 10, 11), Онъ

„обязывает сокрушенное и возстановляет падшее“
(Иезек. 34, 16).

Г Л А В А III.

О томъ, что Сынъ не причастенъ (такой) жизни, которая (получена) отъ другаго, а напротивъ—(есть) по природѣ жизнь, какъ отъ жизни (сущей таковою) по природѣ рожденный—отъ Бога и Отца.

VI. 57. Якоже посла Мя живый Отецъ, и Азъ живу, Отца ради, и ядый Мя, и той живъ будетъ Мене ради.

Смыслъ этихъ словъ весьма неясенъ и облеченъ не малою трудностію. Впрочемъ не совсѣмъ ускользаетъ отъ изслѣдованія, ибо можетъ быть понятъ и усвоенъ желающими правильно мыслить.

Итакъ, когда Сынъ говоритъ, что Онъ посланъ, то указываетъ на Свое воплощеніе, и ни на что другое. Когда же говоримъ, что Онъ воплотился, то утверждаемъ, что Онъ сталъ совершеннымъ человѣкомъ. Какъ *Отецъ*, говоритъ Онъ, содѣлалъ Меня человѣкомъ и поелику Я, будучи Богомъ—Словомъ, какъ жизнь родился отъ жизни по природѣ, и ставъ человѣкомъ, Своею природою наполнилъ Мой храмъ, то есть тѣло: то такимъ же образомъ и ядущій Мою плоть *живъ будетъ ради Меня*. Я воспріялъ умирающую плоть, но какъ скоро Я вселился въ ней, будучи жизнью по природѣ, потому что Я—отъ живаго Отца, то всю ее преобразовалъ въ Мою жизнь. Не побѣжденъ Я тлѣніемъ плоти, напротивъ—Я побѣдилъ ее какъ Богъ. Посему какъ Я,—немедленно скажу это опять ради пользы,—хотя и сталъ, говорить, плотью,—ибо это означаетъ быть посланнымъ,—но *живу ради Живаго Отца*, то есть сохраняя въ Себѣ благородство Родившаго: такъ и принимающій Меня посредствомъ приобщенія Моей плоти, будетъ сохранять жизнь въ себѣ, всецѣло преобразуясь въ Меня, могущаго живо-

творить по причинѣ Моего бытія отъ животворнаго корня, тоестъ Бога и Отца.

Говорить же, что воплощенъ Отцемъ, хотя Соломонъ утверждаетъ, что „Премудрость создала Себѣ домъ“ (Притч. 9, 1), и блаженный Гавриилъ усвоетъ твореніе божественнаго тѣла силѣ Духа, когда обращается ко Святой Дѣвѣ съ такими словами: „Духъ Святый найдетъ на тебя и сила Вышняго осѣнитъ тебя“ (Лук. 1, 35). Это для того, чтобы ты уразумѣвалъ опять, что, такъ какъ божество по природѣ одно и разумѣется (однимъ) и въ Отцѣ и Сынѣ и во Святомъ Духѣ, то Каждый долженъ дѣйствовать во всемъ существующемъ не отдѣльно, но еслибы о чемъ и говорилось, что оно произошло чрезъ одного, то конечно это есть дѣло всей божественной природы. Вѣдь если Святая Троица едина въ смыслѣ единосущія, то безъ сомнѣнія и сила должна быть одна во всемъ, ибо все отъ Отца чрезъ Сына въ Духѣ.

Но о чемъ мы часто уже говорили, это опять скажемъ, ибо говорить одно и тоже хотя и тяжело, но сообщаетъ твердость. Было у Спасителя Христа обыкновеніе благополезно усвоить дѣйственности Отца все то, что превышаетъ свойственную человѣку силу. Это потому, что Онъ смирилъ Себя, ставъ человѣкомъ,— и поелику принялъ образъ раба (Филип. 2,7—8), то и не гнушается свойственнаго состоянію раба (образа рѣчи), однакожь и не отстраняетъ отъ себя дѣятельность во всемъ вмѣстѣ съ Отцемъ. Родившій Его все совершаетъ чрезъ Него, по слову Спасителя, ибо „Отецъ“, говоритъ, во Мнѣ пребывая, творитъ дѣла Онъ“ (Іоан. 14, 10). Такимъ образомъ, отдавая должное домостроительству съ плотью, усвоетъ Богу и Отцу то, что выше силы человѣка, ибо создать храмъ въ Дѣвѣ превышаетъ силу человѣческую.

Но противникъ нашъ опять скажетъ на это: но какъ бы иначе Сынъ могъ открыть то, „что Онъ есть по природѣ“, или какъ могъ бы показать ясно то, „что Отецъ больше“, если не посредствомъ изреченія: „Я живу ради Отца“? вѣдь если Отецъ есть податель жизни Сыну, то кто же наконецъ дойдетъ до такого неразумія, чтобы не понимать того, что причастное жизни не одно и тоже будетъ съ жизнію по природѣ, или съ Могущимъ животворить?

На это и мы, противопоставляя слово истины, скажемъ благовременно: „глупецъ глупое будетъ говорить и сердце его тщетное помышлять, чтобы совершить незаконное и изрекать на Господа ложь“ (Иса. 32, 6). Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть незаконнѣе такой мысли еретиковъ? И развѣ не крайняя ложь изрекается ими противъ все животворящаго Христа, если эти безумцы не стыдятся говорить, что Онъ живетъ (будучи) причастнымъ жизни отъ другаго, подобно какъ (живетъ такую жизнію) происшедшее чрезъ Него? И въ такомъ случаѣ Сынъ не будетъ ли въ концѣ концовъ у насъ и животнымъ, именно какъ оказывающійся причастнымъ жизни, а не самую жизнію по природѣ? Вѣдь животное должно быть безъ сомнѣнія другимъ нѣчто отличнымъ отъ сущей въ немъ жизни. Но я не думаю, чтобы кто либо здраво-мыслящій могъ сдѣлать это. Итакъ, отнюдь не животнымъ долженъ мыслиться нами Единородный, по жизнію по природѣ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не истину высказываетъ Онъ въ словахъ: „Я есмь воскресеніе и жизнь“ (Іоан. 11, 25)? А жизнію должно быть животворящее, (само) не нуждающееся въ жизни отъ другаго, какъ безъ сомнѣнія и подъ мудростію мыслится сила умудрять, а не способность умудряться. Слѣдовательно истина, по вашему, солжетъ и Христосъ не

истину выскажетъ въ словахъ: „Я есмь, жизнь“? Баснословящимъ окажется также и славный хоръ святыхъ, изрекающій слова чрезъ Духа и называющій Единороднаго жизнью. Такъ божественный Псалмопѣвецъ оказывается у насъ говорящимъ къ Отцу: „потому что у Тебя источникъ жизни“ (Псал. 35, 10). И досточудный евангелистъ Іоаннъ въ своихъ посланіяхъ говоритъ такъ: „что было отъ начала, что слышали мы, что видѣли очами нашими, что созерцали, и руки наши осязали, о Словѣ Жизни,— и жизнь явилась, и видѣли мы, и свидѣтельствуемъ, и возвѣщаемъ вамъ жизнь вѣчную, которая была у Отца (къ Отцу) и явилась намъ“ (1 Іоан. 1, 1—2). Видишь, что изъ этихъ словъ Іоанна и Псалмопѣвецъ оказывается истиннымъ, когда говоритъ къ Отцу всяческихъ Богу: „потому что у Тебя источникъ жизни“, ибо былъ и есть у Него источникъ жизни—Сынъ. А что Духоносецъ говоритъ о Немъ именно въ такомъ смыслѣ, въ этомъ онъ удостовѣритъ и посредствомъ другихъ словъ своихъ въ томъ же посланіи: „и знаемъ, что Сынъ Божій пришелъ и далъ намъ разумъ, да знаемъ Истиннаго, — и мы (есмы) ¹⁾ въ Истинномъ, въ ²⁾ Сынѣ Его Иисусѣ Христѣ: Сей есть Истинный Богъ и Жизнь Вѣчная“ (1 Іоан. 5, 20). Поэтому кто, скажи мнѣ, можетъ наконецъ выносить такое пустословіе иномыслящихъ? Кто справедливо не обвинить ихъ, дерзающихъ называть Сына причастнымъ жизни отъ другаго, хотя святое и богодухновенное писаніе ничего такого не говоритъ о Немъ, а напротивъ—ясно высказываетъ, что Онъ

1) Такъ и св. Ал. *εσμεν* согл. больш. и древн. вм. слав. *будемъ шмен*—нѣк. немн. и Вульг.

2) *Еυ τω* согл. древн. и больш. и св. Ал. и Карп. и многіе Слав. но другіе Слав. опускаютъ соотв. нѣк. немн. греч. и Вульг.

есть Богъ по природѣ, и Истинный, и Источникъ жизни, и также Жизнь вѣчная? Развѣ можно представлять истиннымъ Богомъ того, кто имѣетъ нужду въ жизни отъ другаго, а не напротивъ — Самъ есть жизнь по природѣ? Или какъ могъ бы Онъ называться еще источникомъ жизни, если бы чрезъ сообщенія отъ другаго Онъ получалъ Себѣ вспомошествованіе къ тому, чтобы быть въ состояніи жить?

Пусть такъ, скажетъ противникъ,—мы можемъ согласиться, что Сынъ есть жизнь, почему и Самъ можетъ животворить, какъ имѣющій въ Себѣ живого Отца.

Однакожь этого, любезнѣйшіе, недостаточно будетъ вамъ для защиты (себя отъ вины) богохульства вашего на Единороднаго, но невѣжественною и безсильною окажется также и эта рѣчь ваша. Въ самомъ дѣлѣ, утверждать, что Сынъ называется жизнью, поскольку Онъ можетъ животворить способное къ жизни, ибо имѣетъ въ Себѣ Отца,—развѣ это не преисполнено какого то безмѣрнаго невѣжества? Повидимому вы совсѣмъ не знаете (различія между тѣмъ), что значить (быть) „на природѣ“ и (тѣмъ) что (значить быть) „изъ того, что по природѣ“, какъ само соприсоединяемое (къ природѣ), что бываетъ по сообщенію. Напримѣръ: огонь горячъ по природѣ, но бываютъ горячими и другіе предметы, получая эту силу теплоты отъ него, какъ желѣзо или дерево. Однакожь они не называются огнемъ потому, что сдѣлались горячими, ибо это свойство они имѣютъ въ себѣ какъ чуждое и не природное. Значеніе этихъ примѣровъ подойдетъ и къ намъ самимъ. Грамматика, напримѣръ, или геометрія считаются видами логической науки, однакожь кто оказывается свѣдущимъ въ грамматикѣ или другой наукѣ, тотъ отнюдь не представляется какъ

сама грамматика или геометрія, но отъ усвоенной имъ грамматики называется грамматикомъ и отъ геометріи—геометромъ. Такъ и жизнь по природѣ есть конечно нѣчто другое отличное отъ того, въ чемъ она бываетъ, преобразуя въ себя не таковое по природѣ. Поэтому когда вы говорите, что въ Сынѣ присутствуетъ Отецъ, именно какъ въ веществѣ, дабы, поскольку Онъ (Отецъ) есть жизнь по природѣ, также и Самъ Сынъ могъ животворить: то уже неразумно будете соглашаться съ тѣмъ, что Онъ есть жизнь, а не напротивъ—причастенъ жизни отъ другаго, по сообщенію именно, а не по сущности, призванный къ принятію достоинства Подателя (Отца). И какъ неосновательно разгоряченное желѣзо называть огнемъ, хотя оно и имѣетъ свойство огня, потому что нагрѣто имъ,—или также никто, имѣющій умъ, грамматика не назоветъ грамматикою ради того, что онъ можетъ другихъ руководить въ этой наукѣ: такъ, полагаю, никто здравомыслящій не долженъ называть Сына жизнью, ради того, что Онъ можетъ и другихъ животворить, имѣя, по ученію ихъ, это *бытіе—жизнью* не по природѣ, но надѣленный этимъ отъ силы Отца, или *ради живущаго въ Немъ Отца*. Но что же, скажи мнѣ, можетъ въ такомъ случаѣ уже служить препятствіемъ къ тому, чтобы мыслить Сына какъ одного изъ насъ, очевидно тлѣнной природы, если Онъ живетъ *ради Отца*, то есть надѣляемый жизнью отъ Родившаго, какъ думаютъ они? Вѣдь Онъ, по послѣдовательному теченію мыслей, долженъ былъ бы подвергнуться уничтоженію, если бы не имѣлъ въ Себѣ Живаго Отца. И если мы признаемъ истинными слова Его: „Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ“ (Іоан. 14, 11), то (оказывается, что) не только Онъ имѣетъ въ Себѣ Отца, Который есть жизнь по природѣ, но Самъ Онъ

находится въ Отцѣ, хотя Онъ и не есть жизнь по природѣ. Уже умалчиваю о богохульствѣ, хотя и надлежало бы поговорить о немъ въ обличеніе нечестія богоборцевъ, ибо Отецъ окажется имѣющимъ въ Себѣ нѣчто лишенное жизни, то есть тлѣніе или природу подверженную разрушенію. Такъ какъ цѣль наша— съ надлежащею точностію уяснить вопросъ, то мы и должны снова изслѣдовать и посредствомъ разнообразныхъ разсужденій дойти до раскрытія того, что сущность предмета должна вынуждать насъ именно такъ мыслить о Сынѣ.

Ты говоришь, что Богъ и Отецъ есть жизнь по природѣ. Прекрасно, это дѣйствительно такъ. Но (такъ это) есть и въ Сынѣ, съ чѣмъ также соглашаются и ваши слова. Но вотъ что я нашель бы потомъ справедливымъ спросить, желая знать: что будетъ совершать въ Сынѣ Отецъ, присутствуя въ Немъ? Будетъ ли Онъ сообщать Свою жизнь Собственному Рожденію, какъ нуждающемуся и не имѣющему жизни изъ себя самого? И развѣ не совершенно необходимо мыслить Сына лишеннымъ жизни? А лишенное жизни чѣмъ же наконецъ будетъ инымъ, какъ не подверженнымъ тлѣнію? Но Онъ (Отецъ) не сообщаетъ Сыну Своей жизни, ибо Онъ есть жизнь, хотя и не пріемлетъ (ее) отъ Него (по сообщенію отъ Него).

Зачѣмъ же нѣкоторые безразсудно и дерзко клеветуютъ еще и говорятъ, что Сынъ живетъ потому именно, что имѣетъ въ Себѣ Отца, Который есть жизнь по природѣ? Вѣдь если Онъ живетъ и безъ Отца, какъ обладающій бытіемъ по существу и какъ саможизнь, то уже не живетъ *ради Отца*, то есть по причинѣ воспріятія (жизни) отъ Отца. А если Онъ имѣетъ Отца подателемъ Своей жизни, то Онъ окажется не имѣющимъ Своей жизни, ибо получаетъ ее отъ